

БЕРЛАГ: ФОРМИРОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОСОБОГО ЛАГЕРЯ МВД НА КОЛЫМЕ

Статья посвящена изучению процессов формирования и деятельности на Колыме в 1948–1954 гг. Особого лагеря МВД № 5. Материалы, использованные автором, позволят более рельефно представлять конкретные проявления усиления карательной политики советского тоталитарного режима на рубеже 1940–1950-х гг.

Ключевые слова: советский тоталитарный режим; карательная политика; Колыма; особый лагерь МВД.

Первыми проявлениями ужесточения карательной политики советского тоталитарного режима в 1940-х гг. стала организация еще в 1943 г. каторжных лагерных подразделений с усиленным режимом содержания осужденных в Воркутинском, Норильском и Северо-Восточном ИТЛ (Колыма) [1. С. 220]. Во второй половине 1940-х гг. после победоносного завершения войны с Германией вопреки всеобщим ожиданиям послаблений во внутренней политике советский режим, напротив, еще более усилил ее карательный характер. Одним из проявлений этого феномена стало создание в структуре ГУЛАГа МВД СССР особых лагерей и тюрем. Они предназначались для содержания «особо опасных государственных преступников».

Эти мероприятия проводились по личному указанию И.В. Сталина, в соответствии с которым министр госбезопасности Абакумов и министр внутренних дел Круглов разработали проект постановления ЦК ВКП (б) по названному вопросу. Проект предусматривал в месячный срок создать особые лагеря для содержания 100 тыс. заключенных в районе Колымы, в Норильске, Коми АССР, Елабуге, Темниках, в районе городов Грязновец, Черновец, Юрьевец и в районе Караганды [2. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 214–215]. После отбытия наказания эти заключенные должны были быть направлены в ссылку на поселение в некоторые области Западной и Восточной Сибири, Коми АССР, на Колыму, в некоторые области Казахской ССР.

Основные положения этого проекта были зафиксированы в Постановлении Совета министров СССР № 416–159 сс от 21 февраля 1948 г., приказах МВД СССР № 00219 от 28 февраля и № 00233 от 3 марта 1948 г. Поскольку создание таких подразделений затрагивало сферы компетенции нескольких правоохранительных органов, 16 марта 1948 г. министр внутренних дел, министр госбезопасности и генеральный прокурор СССР издали совместный приказ № 00279/00108/72 сс, который определял порядок организации особых лагерей и тюрем. Для отбора «особых контингентов» предписывалось просмотреть все личные дела заключенных, осужденных по 58 ст. УК РСФСР и соответствующим статьям УК союзных республик («шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов, участников других антисоветских организаций и групп, и лиц, представляющих опасность по своим антисоветским связям и вражеской деятельности»). Этим должны были заняться специальные комиссии в республиках, краях, областях и в ИТЛ МВД СССР, в состав которых входили сотрудники МВД, МГБ и прокуратуры. Координировала эту деятельность центральная комиссия [2. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 261. Л. 79 об.].

12 июня 1948 г. в центральном аппарате ГУЛАГа МВД СССР была создана группа по организации особых лагерей МВД, подчиненная непосредственно руководителю ГУЛАГа генерал-майору Добрынину. Ее руководителем стал начальник организационно-правового отдела 2 Управления ГУЛАГа майор Лямин [2. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 88. Л. 250]. Позже эта группа была реорганизована в группу особых лагерей, а 20 марта 1950 г., в связи с тем, что большинство особых лагерей «вступило в период нормальной деятельности», она была расформирована. Вопросами деятельности особых лагерей МВД с этого времени стали заниматься соответствующие управления и отделы ГУЛАГа [2. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 103. Л. 61].

Всего в 1948–1952 гг. было создано 12 особых лагерей, в которых содержались «опасные государственные преступники». На 1 января 1949 г. в этих подразделениях содержалось 101 тыс. заключенных, и их число продолжало расти [2. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 234. Л. 148]. Поэтому целым рядом постановлений Совет министров СССР 1949 г. постепенно увеличил лимиты наполнения особлагов (постановления № 3685–1534 сс от 28 августа, № 3956 от 19 сентября, № 4174 от 28 сентября 1949 г.). На 1950 г. численность подлежащих содержанию в особых лагерях заключенных была установлена в 180 тыс. При этом и.о. начальника ГУЛАГа МВД СССР полковник Буланов 27 сентября 1949 г. сообщал в Центральный финансовый отдел МВД о том, что готовится представление Совету министров об увеличении этой цифры до 270 тыс. [2. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 563. Л. 213]. На 5 марта 1953 г. в особых лагерях содержалось 233 084 чел. [2. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 118. Л. 30].

Колыма, отделенная от «материка» тысячами километров бездорожья, как никакое другое место подходила для организации особого лагеря. Этому же способствовало и то, что к этому времени Дальстрой (ГУ СДС МВД СССР) накопил огромный опыт организации труда заключенных. Поэтому здесь, среди прочих, был создан Особый лагерь МВД № 5, получивший условное наименование «Береговой» [1. С. 340].

Однако отдаленность места его дислокации вызвала к жизни серьезные трудности. На 14 июня 1948 г. не был полностью укомплектован даже его руководящий состав. Согласно справке об укомплектованности руководящими работниками управлений особлагов МВД СССР начальником Берлага являлся полковник Бондаренко, его заместителем и начальником 1-го отдела – подполковник Клепинин, зам. начальника по лагерю – капитан Голубев, начальником отдела кадров – капитан Кинчин, зам. нач. 1-го отдела – подполковник Семенов, начальником САНО – майор Золотарский, начальником КВО – майор Зальцберг, начальником ООС и торговли – капитан Данилюк. Все остальные должности

были вакантными. Для преодоления сложившегося положения зам. начальника ГУЛАГа по кадрам полковник Козырев распорядился об откомандировании на Колыму 96 офицеров из расформированного лагеря № 454 ОПВИ УМВД по Рязанской области. Из лагподразделений ОПВИ УМВД Хабаровского и Приморского краев с общим количеством 550 чел. в распоряжение Берлага был откомандирован весь офицерский состав [2. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1842. Л. 26–27, 66].

Лимит наполнения для Берлага устанавливался в 30 тыс. заключенных. Часть из них передавалась на месте – из Северо-Восточных ИТЛ Дальстроя (по плану 17 500 чел.), часть должна была доставляться из других районов страны по специальным нарядам ГУЛАГа (по плану 11 350 чел.). При этом и.о. начальника ГУЛАГа полковник Буланов обратился к зам. министра генерал-полковнику Чернышову с просьбой о распоряжении комплектовать особый лагерь № 5 только годными к физическому труду заключенными I и II категории в возрасте от 18 до 45 лет, в том числе 20% женщин [2. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1842. Л. 107]. К 01.05.1948 г. в Берлаге должно было находиться 10 тыс. заключенных, которых начальник Дальстроя Никишов предполагал разместить на руднике Аляскитовом (4 тыс. чел.), на строительстве Аркагалинского энергетического комбината (3 500 чел.), на Эльгенском угольном разрезе (1 500 чел.) [2. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1842. Л. 7, 9]. Позже, в октябре 1950 г., лимит наполнения Особого лагеря № 5 был увеличен до 35 тыс. чел. [3. Ф. Р-23 сс. Оп. 1. Д. 334. Л. 93]. В середине 1948 г. для охраны контингентов Берлага на Колыму прибыли части 86-й дивизии конвойных войск МВД численностью 1 765 чел. [4. С. 138]. Управление особого лагеря № 5 было организовано в Магадане 1 июля 1948 г. [3. Ф. Р-23 сч. Оп. 1. Д. 4608. Л. 64]. Береговой лагерь МВД получил литерное обозначение «ЖО», условный телеграфный адрес «Магадан Хабаровского «Береговой» и почтовый адрес для несекретной корреспонденции «г. Магадан Хабаровского края п/я ЖО-383» [2. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 118. Л. 152].

Уже в первые месяцы его функционирования стало ясно, что деятельность на одной территории двух самостоятельных лагерных управлений – Берлага и Севвостлагерей – была нерациональной. Поэтому 9 декабря 1948 г. министром внутренних дел Кругловым был подписан приказ № 754, который предписал следующее. Полное руководство особым лагерем МВД № 5 по вопросам режима и трудового использования заключенных возлагалось на начальника Севвостлагерей Деревянко. В целях сокращения параллельных аппаратов в составе УСВИТЛ организовывались совместные отделы: кадров, санитарный, контрагентских работ, коммунально-бытовой, интендантского снабжения и культурно-воспитательный. В состав этих отделов вошли аналогичные отделы Берлага. В управлении собственно особого лагеря остались отделы: политический, оперативный, специальный, финансовый, а также главная бухгалтерия, секретная часть и канцелярия. На горнопромышленные и отраслевые управления Дальстроя была возложена ответственность за материально-хозяйственное обеспечение и коммунально-бытовое обслуживание особых лагерных подразделений, а также за организацию трудового использования особых контингентов [2. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1847. Л. 213].

Однако и эта организационная структура уже в первой половине 1949 г. показала свою неэффективность. Начиная с января 1949 г. руководство Дальстроя, УСВИТЛа и Берлага стало обращаться в МВД и ГУЛАГ с просьбами принять одно из двух возможных решений: полностью подчинить подразделения особого лагеря Управлению Севвостлагерей путем слияния или его управление сделать абсолютно самостоятельным без объединения некоторых его отделов с Управлением СВИТЛ с подчинением непосредственно начальнику Дальстроя. В качестве обоснований принятия того или иного решения приводились следующие.

1. Лагподразделения Берлага оказались в тройном подчинении: Управлению Особого лагеря, Управлению СВИТЛ по функционалу объединенных отделов и Управлениям ИТЛ при горнопромышленных управлениях Дальстроя, что приводило к чрезвычайной путанице.

2. Объединенные отделы УСВИТЛа не могли оказывать влияния на хозяйственно-финансовую деятельность Берлага, т.к. отраслевые ИТЛ Дальстроя, через которые осуществлялось руководство, не являлись распорядителями кредитов особых лагподразделений.

3. ИТЛ при горных и отраслевых управлениях Дальстроя, не располагавшие непосредственно транспортом, фондами строительных материалов, продовольствием и вещдоловствием, не имевшие своего складского хозяйства, были не в состоянии оказать какую-либо практическую помощь подразделениям Берлага в их материально-хозяйственном обеспечении, строительстве и ремонте, снабжении всем необходимым и т.д. [2. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1847. Л. 214]. Докладывая это мнение руководства Дальстроя зам. министру внутренних дел Чернышову 9 июля 1949 г., начальник ГУЛАГа генерал-майор Добрынин принял второй вариант решения.

По первоначальному расчету структура Берлага должна была включать 16 лаготделений и 20 лагпунктов. На начало 1949 г. от УСВИТЛ Берлаг принял 13 производственно-лагерных подразделений при предприятиях Дальстроя, а также центральную больницу в пос. Хета (500 мест) и транзитно-пересыльный пункт в Магадане. Однако в январе 1949 г. начальник конвойных войск МВД генерал-лейтенант Бочков в письме к начальнику ГУЛАГа Добрынину указал на то, что лагподразделения Берлага малочисленны, а заключенные используются на 215 мелких рабочих объектах. В частности, на 75 объектах работали группы особого контингента численностью от 17 до 25 чел., а на 59 объектах группы от 26 до 50 чел. Все это создавало большие трудности для охраны. В результате было произведено укрупнение лагподразделений Берегового лагеря: осталось 14 лаготделений и 14 лагпунктов. Лагпункты были укрупнены и только в трех из них численность заключенных осталась менее 500 чел. [2. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1847. Л. 8–11].

8 июля 1949 г. приказ МВД СССР № 00646 увеличил количество лагерных отделений Берлага до 19, а количество лагпунктов – до 26 [3. Ф. Р-23 сс. Оп. 1. Д. 366. Л. 2]. Фактически 1 января 1950 г. в Управлении Особого лагеря № 5 имелось 16 лаготделений с 27 лагпунктами [3. Ф. Р-23 сч. Оп. 1. Д. 4608. Л. 8]. На 1 октября 1950 г. было уже создано 18 лаготделений, а

19-е находилось в стадии организации [2. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1860. Л. 191]. Некоторые лагпункты Берлага укомплектовывались заключенными-каторжанами.

«Месячные почтовые сводки о численности и составе заключенных, содержащихся в особом лагере № 5» содержат полные сведения о статусе лагподразделений, их руководителях, местоположении, подразделениях Дальстроя, которые обслуживали заключенные Берлага и т.п. Так, например, из подобной сводки на 1 января 1949 г., дающей полное представление о Берлаге на эту дату, очевидно, что, в частности, лаготделение № 6 возглавлялось майором П.В. Федько, находилось в пос. Каньон (616 км от Магадана) и обслуживало Верхнесеймчанский горнорудный комбинат Дальстроя. Руководителем ЛО № 4 был майор Г.Т. Жернаков. Располагалось оно в пос. Бутугычаг (344 км от Магадана). Заключенные работали в подразделениях Комбината № 1 Первого управления Дальстроя на добыче урана. Соответственно, строилась и структура ЛО № 4. Входившие в него лагпункты имели следующую дислокацию. Лагпункт № 2, начальник ст. лейтенант М.Г. Селиванов, дислоцировался в пос. Горняк, лагпункт № 5, начальник мл. лейтенант А.П. Горбунов, находился в пос. Лесной. Эти подразделения обслуживали Комбинат № 1 Первого управления Дальстроя. Лагпункты № 3 (майор Г.М. Антипов) и № 4 (капитан П.П. Гоголин) занимались добычей олова на фабрике № 1 им. Чапаева (пос. Вакханка) и фабрике «Кармен» (пос. Кармен). Заключенные отдельного лагпункта Берлага «Оротукан» (майор П.Б. Зоркальцев) трудились на заводе горного и обогатительного оборудования в одноименном поселке (406 км от Магадана) и т.д. [2. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1315. Л. 220–221].

К 1953 г. лаготделения Берлага № 1 (рудник «Хениканжа» Тенькинского горнопромышленного управления), № 14 (прииск «Спокойный» Северного ГПУ) и № 16 (фабрика им. Чапаева Тенькинского ГПУ) комплектовались заключенными женщинами. Лаготделение № 19 (Магаданский транзитный лагерь) выполняло пересыльные функции. В лагерных отделениях № 4 (Комбинат № 1) и № 16 (фабрика им. Чапаева) были сосредоточены осужденные к каторжным работам [3. Ф. Р-23 сч. Оп. 1. Д. 4608. Л. 9].

Создание отдельных «особых» лагерных подразделений, как правило, происходило путем передачи конкретных лагпунктов из общих ИТЛ. Оттуда постепенно выводился «общий» контингент заключенных, заменявшийся «особым». Оборудование существовавших лагерных зон и строительство новых потребовало дополнительных капиталовложений. Поэтому уже 11 июня 1948 г. Совет министров СССР распоряжением № 7386/рс выделил на капитальное строительство для создания особых лагерей 28 млн руб., из которых 10 млн предназначалось для особого лагеря МВД № 5 [2. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1842. Л. 94]. Более поздние документы, тем не менее, говорят о том, что и эти лимиты были значительно увеличены. Так, справка от 17 января 1949 г. утверждает, что в течение 1948 г. на капитальное строительство Берлага в целом было выделено 21500 тыс. руб. Из этой суммы освоено было лишь 4200 тыс. руб. – 1,7 млн руб. непосредственно на лагерное строительство и 2,5 млн руб. на строительство

административного корпуса и жилья для сотрудников Особого лагеря в г. Магадане. При этом руководство Берлага запросило на 1949 г. 20,8 млн руб. ассигнований и разрешения на создание в Береговом лагере стройконторы для осуществления самостоятельного строительства [2. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1847. Л. 15об.]. Заметим здесь, что финансирование особых лагерей производилось прямо МВД, а с декабря 1950 г. – через 3-е управление ГУЛАГа, Главные управления лагерей горно-металлургической промышленности и железнодорожного строительства МВД. Лишь колымский особый лагерь продолжал финансироваться прежним порядком – непосредственно министерством [2. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 381. Л. 123].

План 1948 г. предусматривал строительство в Береговом лагере 11450 м² новой жилой площади. Фактически же особым лагерем на Колыме было построено 16 барачков для заключенных общей площадью 2600 м². По титульному списку на 1949 г. должно было быть введено в эксплуатацию еще 11 барачков. К середине мая 1949 г. уже было построено 3 барака площадью 540 м² и три коммунально-бытовых помещения, запроектировано строительство 10 барачков для особого контингента (2400 м²) [2. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1847. Л. 115–116].

Однако в этом отношении взаимоотношения Дальстроя и Берлага в реальности не выглядели столь безоблачными. После войны потребности государства в золоте резко возросли. Необходимы были средства не только на восстановление разрушенного войной хозяйства, но и на поддержание социалистических режимов в Европе и в Азии. Планы золотодобычи Дальстроя росли, а значит, увеличивались и расходы. Поэтому уже в феврале 1949 г. начальник Дальстроя генерал-майор Петренко доложил зам. министра Чернышову о том, что «в 1949 г. на каппостроительство особлага за счет Дальстроя средств выделить нельзя». Чтобы обеспечить имевшиеся особые контингенты положенными нормами жилья, Петренко предлагал МВД в 1949 г. отменить завоз заключенных для Берлага и выделить дополнительно Дальстрою 15 млн руб. для строительства по потребностям особого лагеря. Тем не менее МВД СССР предписало Петренко «строительство жилого фонда особлага в 1949 г. провести за счет капвложений Дальстроя» [2. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1847. Л. 42–43].

Думается, что эти предписания не были выполнены, т.к. и в Севвостлагерях положение с жильем заключенных было крайне напряженным. На 1 января 1948 г. средняя жилая площадь на одного заключенного колебалась от 1,55 м² в Тенькинском и Западном лагерях до 3,43 м² в Отделении СВИТЛ при Управлении шоссейных дорог [5]. 28 февраля 1949 г. начальник Берлага Бондаренко доложил начальнику ГУЛАГа, что «...лагерное строительство, в том числе и переходящее, приостановлено и законсервировано» [2. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1847. Л. 79]. С. Виленский вспоминал: «Осенью 1949 г., когда нас привезли на “Днепровский”... Кроме двух старых барачков ничего не было. Жили в палатках. Посреди палатки – железная бочка из-под солярки, и всю ночь дневальный поддерживает в ней огонь. Голова примерзает к брезенту, а пяткам жарко» [6. С. 526].

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют оценивать обеспеченность заключенных Берлага

жилыми помещениями. На 17 января 1949 г. ее средний размер составлял 1,1 м², на 19 мая 1949 г. – 1,4 м² при наличии 74% нар вагонного типа и 16% сплошных нар от потребности [2. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1847. Л. 15, 115]. 21 августа 1949 г. МВД СССР специально установило для особлагов сниженную норму обеспеченности жилплощадью – 1,5 м². В 1950 г. средняя жилплощадь на одного заключенного в Береговом лагере насчитывала 1,13 м², а в некоторых лагерных отделениях (№ 1, 4, 8, 14, 16) – 0,8 м² [2. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1860. Л. 100].

Берлаг должен был быть готов к приему первых 10 тыс. лагерников к 1 мая 1948 г., к 1 июля – еще 10 тыс., и к 1 сентября он должен был достигнуть лимита наполнения – 30 тыс. лагерников [1. С. 329]. Однако 26 апреля 1948 г. начальник контрольно-инспекторского отдела ГУЛАГа майор Силантьев указывал, что «к завозу особого контингента из других областей и концентрации имеющегося на местах... до сего времени не приступлено» [2. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1842. Л. 9]. Но постепенно лагерные зоны Берегового лагеря стали наполняться. На 1 октября 1948 г. в его списочном составе числилось 6638 заключенных (все – мужчины). До конца года сюда прибыли из других краев и областей 5231 чел. и на месте, из подразделений УСВИТЛа, было передано 5775 чел. Одновременно в течение IV квартала было передано в лагеря общего режима 1923 чел., не принадлежавших к особым контингентам, умерло 148 и бежало 3 заключенных. Всего на 31 декабря 1948 г. в Берлаге содержалось 15570 лагерников (13404 мужчины и 2166 женщин) [2. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1847. Л. 77–78].

1 февраля 1949 г. здесь находилось 15402 чел. (в том числе 4786 каторжан); 1 июля 1949 г. – 15804 чел. (в т.ч. 2562 общего, не особого контингента); 1 декабря 1949 г. – 22633 чел. (в том числе 1387 общего контингента); 13 апреля 1950 г. – 24393 заключенных, в том числе 4424 женщин; 1 февраля 1953 г. – 23364 заключенных «особого» контингента и т.д. [2. Оп. 1 Д. 563. Л. 13, 172, 275; Д. 1860. Л. 136; Оп. 1. Д. 118. Л. 99]. 1 апреля 1953 г. в Особом лагере на Колыме содержалось 22995 чел. (18495 мужчин и 4500 женщин). В их числе находились 3071 каторжан (2481 мужчин и 590 женщин) [3. Ф. Р-23 сс. Оп. 1. Д. 366. Л. 2]. Всего же в 1948–1954 гг. в Берлаг прибыло 50310 заключенных, из которых освобождено было 12825, умерло 1609 и бежало 22 чел. [7. С. 412]. Заключенные особого лагеря № 5 прибывали из Прибалтики, Западной Украины и сибирских лагерей. «Нас привезли весной 48 года, собрали для Берлага со всех точек Сибири. Привезли 58 статью. Прибыло три этапа – из Львова, Риги и наш, сибирский. Где-то по тысяче душ», – говорит Е.А. Бадова [8. С. 233].

Обращает на себя внимание наличие в его подразделениях заключенных, которые не относились к особым контингентам. Это может быть объяснено тем, что 13 февраля 1950 г. зам. министра внутренних дел СССР Серов специально разрешил Берлагу содержать при каждом лаготделении от 25 до 50 заключенных общего режима для выполнения работ, которые не могли выполняться особыми контингентами по режимным соображениям. Они должны были быть размещены в отдельных помещениях, выгороженных из жилых зон

особого лагеря [2. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 373. Л. 243]. Одновременно их передача в зоны общего режима была часто затруднена значительными расстояниями между лагпунктами на Колыме и Чукотке, а также и их неготовностью к приему дополнительных количеств лагерников.

По этим же причинам могла существовать и обратная ситуация. Так, на 1 февраля 1950 г. в подразделениях общего режима УСВИТЛа все еще находилось 2667 чел. особого контингента. Это объяснялось тем, что 1019 «особых» заключенных находилось в отдаленных лагпунктах Янского, Чаун-Чукотского горных управлений, Чукотстроя и не могли быть вывезены до начала морской навигации; 569 чел. инвалидов, хронических больных, беременных и кормящих грудью женщин руководство Дальстроя считало необходимым оставить в подразделениях общего режима; 1079 заключенных Западного ГПУ должны были быть переданы в отделение Берлага при ЗГПУ, как только оно будет введено в строй [2. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1860. Л. 96].

Уже в начале 1949 г. определился и качественный состав особых контингентов. На 23 мая 1949 г. 40% от их числа были «националистами», 31,2% – «лицами, представлявшими опасность по своим антисоветским связям и враждебной деятельности» [2. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 562. Л. 13]. Другие группы заключенных особлагов были весьма малочисленны. Данные Берлага дают ту же картину. На 23 марта 1949 г. из всего особого контингента на Колыме 44,8% – «националисты», 30,5% – «лица, представляющие опасность по своим антисоветским связям и враждебной деятельности» [2. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1847. Л. 28]. Особый лагерь № 5 начал осуществлять свою хозяйственную деятельность с сентября 1948 г. Все руководителям предприятый Дальстроя, на которых предполагалось использование особых контингентов, должны были заключить договоры с лаготделениями Берлага, а само ГУ СДС заключало договор с его управлением [3. Ф. Р-23 сс. Оп. 1. Д. 203. Л. 235]. Как правило, это были самые тяжелые и слабо механизированные виды работ. Так, М.И. Вацин вспоминала работу на Хеникандже в 1949 г.: «Приходилось вручную “бурить” землю с помощью лома и кувалды, делать углубления для взрывчатки. Земля мерзлая, работать было очень тяжело. Работали вдвоем: одна фиксировала лом, другая стучала по нему кувалдой» [8. С. 215–216].

Уже в июле 1948 г. выяснилось, что заключенные, направлявшиеся в особлаги, в подавляющей своей массе относились к III категории физического труда, т.е. могли использоваться только на легких работах [2. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1842. Л. 107]. Но продолжительность рабочего дня для них была установлена 9 ч, для каторжан – 10. Естественно, что такие условия труда приводили к резкому истощению людей. Уже в октябре 1948 г. трудовые потери по болезни составили 10,5% к рабочему фонду, в ноябре – 11,9%, в декабре – 14%. Основными причинами этого явления оказались перебои в снабжении продовольствием, недостаточная калорийность питания при полном отсутствии овощей, медленная акклиматизация и неприспособленность к низким температурам заключенных, прибывших из Прибалтики и Западной Украины, среди которых быстро распространились простудные заболевания, прежде всего воспаление легких [2. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1847. Л. 81].

В IV квартале 1948 г. заключенные, принятые от СВИТЛ, имели летнее обмундирование с износом на 80–90%, а по белью почти на 100% [2. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1847. Л. 89]. Ю. Фидельгольц вспоминал весну 1952 г. на руднике «Аляскитовом»: «Привычные остерचेвшие номера на лбу, на колене, на спине и под сердцем; одежда первого, второго и даже третьего сроков, с такими огромными и цветастыми заплатами, что в начале становился похож на клоуна, потом грязь окрашивала все в один цвет...» [б. С. 368]. За три последних месяца 1948 г. заключенные Берлага недополучили 56253 кг муки, 5644 кг крупы, 1625 кг сахара, 3581 кг мясопродуктов, 2901 кг рыбы, 2901 кг жиров, 139420 кг овощей [2. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1847. Л. 90]. В 1950 г. положение несколько выровнялось, но за 8 месяцев особый лагерь недополучил 646 т овощей [2. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1860. Л. 200]. Подобное качество снабжения становилось причиной высокой смертности в подразделениях Берлага. В IV квартале 1948 г. здесь умерло 148 чел., из них 71 чел. от воспаления легких [2. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1847. Л. 83]. За 10 месяцев 1949 г. смертность заключенных здесь составила 2,4% от смертности заключенных во всех лагерях ГУ СДС. Всего умерло 263 чел.: 51 от воспаления легких, 39 от алиментарной дистрофии, 31 от производственных травм и т.д. [2. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1860. Л. 61].

Условия труда также подкашивали особый контингент. «Работали ежедневно по 10–14 часов. Руки пухли, кожа трескалась, образовывались незаживающие раны», – писал А.А. Кремнев о работе в 1949 г. на «Днепровском» [б. С. 466]. За IV квартал 1948 г. в Берлаге произошло 880 случаев производственного травматизма, из них 21 со смертельным исходом. В 1949 г. соответственно 3569 и 64, за 9 месяцев 1950 г. – 2197 и 49. Основными причинами травматизма стали: слабый контроль горнадзора за горными участками, плохое освещение на подземных работах (факел и копилка), отсутствие достаточной вентиляции и запасных ходов, недостаточная обеспеченность масками и респираторами в подземных забоях [2. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1860. Л. 202]. Трудопотери особого лагеря № 5 от производственного травматизма за 10 месяцев 1949 г. составили 7% от показателей ГУСДС, смертность же, связанная с травматизмом на производстве, – достигла 11,8%. В каторжных подразделениях Берлага последний показатель ровнялся 22,2% [2. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1860. Л. 63].

Бичом заключенных Берлага, работавших в горных выработках, был силикоз. Наличие этого заболевания было установлено на комбинатах «Каньон», «Бутугычаг», «Лазо», «Хениканжда», «Аляскитовый», УЗРК, на

рудниках им. Белова, им. Матросова и др. При этом несколькими приказами 1947 и 1950 гг. МВД СССР установило для заключенных, работавших на силикозоопасных производствах, дополнительные пайки в виде жиров и мяса, стоимостью 1,55 руб. ежедневно. Однако ЦФО МВД не отпускал Берлагу средства на эти цели [5].

Сложно говорить о каком-либо экономическом эффекте использования заключенных особых лагерей. Лагери с лимитом наполнения в 145 тыс. чел. стоили бюджету страны 680 млн руб. в год, не считая стоимости войсковой охраны [2. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 562. Л. 13]. В то же время за первое полугодие 1949 г. фактическое выполнение плана доходов от производственной деятельности особлагов составило лишь 71,6% [2. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 563. Л. 245]. За 9 месяцев 1949 г. пять из семи имевшихся особых лагерей вместо 340628 тыс. руб. перечислили в госбюджет страны 303330 тыс. руб. [2. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 563. Л. 277]. Подобное положение было характерно для деятельности Берлага на протяжении почти всей его истории.

Приказом № 00552 от 25 июня 1954 г. МВД СССР ликвидировало Берлаг, передав его подразделения в УСВИТЛ ГУЛАГа и предписав не допускать смешения особого и общего контингента ИТЛ [2. Ф. 9401. Оп. 1 а. Д. 527. Л. 23–25]. Создание и деятельность особых лагерей в целом и Берегового в частности вряд ли преследовало экономические цели даже в условиях, когда МВД являлось, пожалуй, наиболее могущественным хозяйственным ведомством. Вполне очевидно, что ведущей причиной здесь явилось ужесточение карательной политики режима. Не случайно решение об их создании по времени практически совпало с разворачиванием деятельности антисоветского подполья в западных частях СССР – Прибалтике, Украине и т.д. Не случайным является и тот факт, что удельный вес так называемых «националистов» в общем составе заключенных особлагов был наибольшим в течение их существования. Параллельно советский тоталитарный режим стремился решить задачи уничтожения всех оставшихся с 1930-х гг. «врагов народа» и тех, кто был отнесен к этой категории во время войны и после нее. Поэтому можно говорить об особых лагерях как об одном из конкретных преступлений советского тоталитаризма против своего народа. В этом контексте неприемлемыми нам представляются суждения некоторых специалистов, которые сегодня пишут: «...реальная обстановка с ростом преступности вновь ставит вопрос о значительном расширении лагерной системы, ужесточении наказаний, а следовательно, и применения труда заключенных в сфере экономики...» [4. С. 191].

ЛИТЕРАТУРА

1. *История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов: В 7 т. М., 2004. Т. 2.*
2. *Государственный архив Российской Федерации.*
3. *Государственный архив Магаданской области.*
4. *Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока России в период массовых политических репрессий (1932–1953). Дальстрой. Магадан, 2002.*
5. ЦХСД МО. Коллекция документов. По режимным соображениям данные об архивных фондах, описей, номера дел и т.д. здесь не указываются.
6. *Доднесь тяготееет. М., 2004. Т. 2.*
7. *Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953. М., 2005.*
8. *Мы свидетельствуем. Магадан, 2006.*

Статья представлена научной редакцией «История» 24 июня 2009 г.